

УДК 392.91

А.К. СалминМузей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: antsalmin@mail.ru**СОБАКА В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЧУВАШЕЙ**

Собака прошла длительный процесс доместикации. В сознании людей она стала положительной фигурой: ею клялись, ей слагали похвалу, для обращения с ней составляли правила, ее оценивали как средство доставки жертвенного дара адресату. Этимологи к чувашскому слову йытӑ (собака) обычно приводят ряд тюркских соответствий. Однако, возможно, этимология слова йытӑ восходит к санскритскому *idā*, ибо так называется пища, которой кормят собак и современные зороастрийцы Ирана после смерти родственника. Собака является одним из важнейших знаковых персонажей в традиционных представлениях чувашей. Считается, что она непосредственно связана с верховным божеством Турӑ. На семантическом уровне у нее много общего с волком и человеком. Собака может быть использована в качестве жертвенного дара. Согласно традиционным представлениям, она служит заместителем духов предков и входит в связь с иным миром.

Ключевые слова: этнография, религия, чувашки, собака, семантика.

Введение

Собака йытӑ (анчӑк, акар, няха) – один из сложных персонажей в религии [Georgi, 1775, S. 854; Березкин, 2005] – прошла длительный процесс доместикации и стала первым прирученным животным. В сознании она стала положительной фигурой: ею клялись, ей слагали похвалу, составляли правила обращения с нею. Она же, как считалось, доставляла жертвенные дары до адресата.

Этимологи обычно приводят чувашскому слову йытӑ ряд тюркских соответствий. Однако, возможно, этимология слова восходит к санскритскому *idā*, ибо так называется пища, которой кормят собак зороастрийцы Ирана после смерти близкого человека [Литвинский, 1984, с. 166]. Другое слово акар переводится как «гончая, охотничья собака» и соответствует тюрк. эгер, игер и др. с тем же значением, в венг. agar (из др.-чуваш. языка), осет. егер, черк. hager, польск. oger, серб. огор [Андреев, 1974, с. 16]. Третье слово, означающее у чувашей собаку, – няха имеет этимологических родственников в монгольском (нокај), калмыцком (нохд), тунгусском (нinda), эвенкийском (нинakin),

эвенском (нин) языках [Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, p. 1029, 1030]. Однако несомненный научный интерес представляет семантическая связь между санскритским словом *ṣva/ṣvan* в значении «собака, пес» и чувашским *ṣӑва* – «кладбище». Сюда же, видимо, относятся санскритские *ṣāva* «трупный (запах)», *ṣāva* «труп, останки», *ṣāvya* «похоронный обряд», *ṣva-bhra* «яма; пещера; преисподняя, ад» [Кочергина, 1978, с. 643–661]. Нетрудно заметить, что слова «собака» и «кладбище (преисподняя)» в санскритском и чувашском языках прочно связаны на семантическом и этимологическом уровнях. В целом они создают имевшее место в прошлом единое представление о сложном и емком понятии «собака = кладбище».

Волк – собака – человек

Источники отражают традиционные представления о тесной связи собаки с верховным божеством Турӑ. В первую очередь это легенда о том, почему хлеба одноколосные. Согласно текстам, изначально хлеба по всей длине стебля имели колосья. Но одна женщина

стала роптать, что многочисленные колосья мешают жать – из-за них жнецы часто режут руки. Тут явился *Туря* и начал срывать со стебля колосья, спросил: «Достаточно ли оставить на верхушке столько колосьев?». Женщина молчала, а *Туря* продолжал срывать колосья. Наконец, на стебле остался всего один колос. А женщина продолжала молчать. Тогда находившаяся рядом собака жалобно завывала, и *Туря* оставил этот последний колос ради бедной собаки. Поэтому говорят, что один колос на злаковых растениях оставлен ради собаки. И теперь дома по вечерам спрашивают друг у друга: «Дали ли сегодня собаке поесть?». Если собака голодная, она может пожаловаться божееству *Туря* [Рекеев, 1898, с. 8]. Имеются и другие варианты этой легенды, однако все они сходятся к одному инварианту. Подобный текст есть у марийцев [Калиев, 2003, с. 37].

Другая чувашская легенда, подтверждающая связь «собака – Туря», о том, как *Туря* творил людей. Говорят, *Туря* лепил людей из глины. Пока ходил за душой для человека, оставил сторожить собаку. Тут подошел антипод *Туря* злой дух *Шуйттан* и кинул собаке кость. А сам стал обезображивать человека. Вернулся *Туря*, увидел все и сказал: «Пусть люди тебе кушать дадут только кости» [Ашмарин, 1936, с. 297]. В аналогичной марийской легенде вместо *Туря* выступает *Юмо*, а вместо *Шуйттана* – *Киремет* [Вишневский, 1856, с. 282]. Отклики связи «верховное божество – собака» есть у сету, коми-пермяков, а также в грузинской мифологии. Так, сету первую лепешку из нови скармливают собаке [Хагу, 1983, с. 14, 17]. В аналогичном обряде чуваша первинки отделяют божееству *Туря*. А у грузин при верховном божеестве *Гмерти* находятся его верные псы, которых он посылает на помощь или в наказание к людям [Сургуладзе, 1987].

Следующий аспект – близость образов собаки и волка. Вообще чуваша называют волка собакой божеества *Пихампар*. При встрече с волком следует сказать: «Пихампар, останови свою собаку!». Согласно легендам, при основании деревень чуваша сначала зарывали в землю собаку или волка. Собаку, участвующую в собачьей «свадьбе», называют *кёрт йытти*, слово *кёрт* несомненно восходит к тюркскому *кёрт/курт* «свора собак». «Оно также может быть этимологизировано как индоевропейское: слав. *хорт* (борзая, от *хрт* – скорый), литовск. *kurtas* (охотничья собака, от *kurti* – бежать, скакать)» [Еремеев, 1990, с. 130]. В целом у некоторых народов собака как мифологический персонаж эволюционировала от волка.

Ряд материалов говорит о приравнивании собаки по статусу к человеку. Так, имена людей и фамильные прозвища, совпадающие с кличками собак, – *Улай*, *Хураç*, *Хураçка* – свидетельствуют не только о желании запутать злых духов и избежать несчастий, но и о признании высокого статуса собаки. Этот мотив улав-

ливается и в обычае бросать первый выпавший зуб ребенка вместе с мякишем хлеба собаке: малышу желали иметь такие же крепкие зубы, как у собаки. Считалось, что колдун, будучи человеком, отправляется на порчу в облике собаки, кошки или свиньи, точнее, оставляет свое тело дома, а сам входит в тело собаки. Таким образом, колдуны используют собак в качестве медиумов. Пристанет во сне собака – значит, сегодня пристанет кто-либо. *Мур/Мор*, некогда бывший человеком и действующий по велению *Туря*, приходит во двор в виде собаки. Чтобы избежать падежа скота, *Мура* следует угощать. Убивать его нельзя: все домашние животные тут же умрут. Аналогичное место занимала собака в жизни зороастрийца: она – второе по святости существо после человека. «Ей посвящен полностью Тринадцатый фрагард Видевдата. Смерть собаки... приравнивается к смерти человека и требует выполнения аналогичных обрядов» [Avesta..., 1994, с. 240]. Собак почитают и народы Севера. Например, селькупы умершую старую собаку хоронят в могиле, как человека [Головнёв, 1995, с. 252].

В 1984 г. в д. Калмаюры Ульяновской обл. побывала экспедиция НИИ при Кабинете Министров Чувашской Республики, в числе которой были В.Г. Родионов, Г.А. Николаев и В.П. Иванов. Каждый из них записал от разных информаторов один и тот же факт. В 1984 г. в условиях сильной засухи пожилые женщины поймали и зарезали собаку. Отрезанную голову они отнесли к озеру и, привязав веревкой к забитому в землю колу, бросили в воду. Обряд сопровождался обращением к верховному божееству *Туря* с просьбой оросить поля. Действительно, через два дня пошел проливной дождь, и женщинам пришлось вытащить голову собаки из воды [Николаев, 1984, л. 103; Родионов, 1984, л. 62; Иванов, 1984, л. 45]. Этот факт – пример принесения собаки в жертву. Следы собаки как жертвенного дара просматриваются в обряде излечения от золотухи: «Золотушным намазывают голову маслом и затем призывают собаку облизывать ее. В это время, как собака облизывает голову больного, нередко до крови, йомзя, срезав с головы собаки клочок шерсти, сжигает его на лучине и затем золой посыпает больное место» [Никольский, 1929, с. 49]. В данном случае обращаем внимание на текст заговора: «Сжигая голову собаки, пеплом посыпаю. Будь крепким, как собака. Закаленным будь. Тьфу! Тьфу!». Естественно, сжигаемый клочок шерсти с головы собаки символизирует животное в целом. Собака-жертва запечатлена и в топонимах типа «Овраг, где вешали собаку» [Элле, 1934, л. 214]. У айнов собака может быть искупительным жертвенным даром. Если человек совершил тяжкое преступление, то он «должен заколоть для богов самую ценную свою собаку, используемую как коренная в санной упряжке, и принести в жертву» [Арутюнов, Щебеньков, 1992, с. 124].

В общесельском обряде очищения у чувашей решалось не проводить через земляные ворота (сооружение в виде короткого тоннеля) собак, кошек и домашнюю птицу: считалось, что к ним не пристает зараза [Шавлы Стихван, 1935–1948, л. 62]. Тот же мотив просматривается в этом же обряде у славян, татар и удмуртов, которые закапывали убитых собак по обеим сторонам от костров [Максимов, 1989, с. 128; Магнитский, 1881, с. 137; Аптиеv, 1891, с. 2], конечно, для усиления эффекта очищения и охраны деревни от повальных болезней. Зарывая собак в землю при основании поселения и нового дома, чувашаи преследовали те же цели [Земляницкий, 1924–1925, л. 47; Спасский, 1912, с. 50]. Очень устойчива вера чувашей в то, что лесной дух *Арсури* боится собак и поэтому не может явиться к людям в деревню [Vambery, 1885, S. 482; Сбоеv, 1865, с. 124; Ашмарин, 1928, с. 310]. По поверью армян, все злые духи обходят те дома, где есть черная собака [Харатян, 1980, с. 114]. У чувашей отмечен интересный обряд, известный под названием «собачья старость», который проводился с целью излечить ребенка от худосочия. Лицо ребенка покрывают слоем теста, затем тесто несут к порогу и сквозь хомут бросают на пол. Тут подходит собака и слизывает тесто. При этом знахарь приговаривает: «Ешь, собачья старость» [Магницкий, л. 141об.; Никольский, 1915–1917, л. 573; Элле, 1916, л. 17 об.]. Такой ритуал находит параллель с ваханским обрядом под названием «намазывание младенцев тестом». Как только младенец родится, его лицо, чтобы оно не стало волосатым, мажут тестом. Это тесто замешивают на материнском молоке, а тесто в виде лепешек прикрепляют к столбам (в доме). Со столбов его соскребают и кидают собакам [Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976, с. 269]. Собаку использовали также в заговорах от сглаза.

При совершении обрядов похоронно-поминального цикла *юна*, *чимёк*, *кёр сёрри* и т.д. специально отделенную часть пищи выбрасывают (на улицу, во двор, за лабаз) собакам. «Причем старшая из семьи бросает куски собакам и со слезами говорит, что оными потчует она самого умершего» [Масленицкий, 1785, л. 281]. Согласно легенде, имеется молитва собаки: «Пусть (у моего хозяина) детей будет много, пусть они постоянно роняют хлеб под стол, а я буду подбирать» [Магницкий, л. 139]. Выбрасывая отделенную пищу собакам (при этом чужих собак со двора старательно гонят), чувашаи полагают, что очищают весь дом от нечистот. Вероятно, выбрасывание поминальных угощений ассоциировалось с очищением дома в широком смысле, а сама пища считалась символической едой для духов предков. Бытование представлений о переселении в дни поминовений души предка в собаку отражено в этнографических источниках. Во время поминального угощения желательно, чтобы пищу

приняла любимая собака умершего, поэтому иногда во время отделения пищи ее держали прямо в доме. Четвероногие друзья кидались на еду, визжали и выли. Выбрасывающий пищу заходил в дом и радостно объявлял, что собаки прыгали вокруг него, дружно кинулись на еду. Такая радость объясняется тем, что поедание пищи собаками воспринимается как принятие жертвенной еды духами умерших родственников.

В песне, исполняемой в *юна*, дух предка говорит:

Мой стол вынесли (на улицу),
Опрокиньте его!
Собаке дайте,
А кошке не давайте!

[Этнография..., 1880–1939, л. 65].

Другие тексты в пользу версии «собака – дух предка» объясняют, что собаки, поедая отделенную пищу, относят ее на кладбище адресатам. Поэтому чувашаи (особенно ночью) боятся проходить мимо кладбищ. Версию «собака – дух предка» подкрепляет и уточняет материал по зороастрийской религии. У зороастрийцев, как и у чувашей, «время кормления собаки – сразу после захода Солнца» [Авеста..., 1997, с. 116], т.е. время проведения поминаний; «помимо молитв, семья умершего три раза в день готовит пищу, которую предпочитал умерший, и дает ее собаке» [Мейтарчян, 1999, с. 119].

Подобное известно и в чувашской культуре. «Чувашаи верят, что когда чашка с кусочками хлеба стоит в избе, то умерший будто бы пьет и ест из нея, поэтому будто бы хлеб и вода, постоявши некоторое время около умершего, теряют свой вкус» [Никанор, 1910, с. 32]. В представлении марийцев «души могут насыщаться лишь с помощью обоняния, т.е. вкушать только аромат или субстанцию пищи, а не самую пищу» [Кузнецов, 1907, с. 75]. Иначе говоря, кормление собак воспринимается как потчевание духов предков, ибо, согласно верованиям, «покойники являются на собачьих мордах». Поэтому по отношению к собаке существует ряд запретов. Так, во время поминальных обрядов собаки, учуяв запах мяса, в большом количестве собирались вокруг трапезников, их не отгоняли, а им радовались. Бить собак запрещалось, даже если, почувствовав волю, они лакали прямо из котла. Самое большее, что можно было сделать – замахнуться на них. Если же в непоминальные дни собака понюхает посуду с пищей, предназначенной для людей, ее тут же окуривают дубовым трутом, чтобы вернуть (очистить) вкус еде, «отнятый» собакой.

Название собаки, сохранившееся только в детской лексике, – *няха* – восходит к монгольскому *похаж* и тоже имеет прямое отношение к обнюхиванию собакой поминальной пищи. Как объясняют лексикологи, корень этого слова очень древний: «Значениями бореального *N-X*- были “нос”, “нюхать”, “чихать”...

вед. *NĀ-sā* “ноздри”, “нос” (из **NeX-s-*); сол. *N'A-nse* “нос” (из **NX-ens-*); фин. *N-enä* “нос”... лат. *NĀ-ris* “ноздря”... эст. *NoH-u* “насморк”... хант. *N'ǎГ-tipta* “чихать”... скр. *NA-kra-* “нос”... фин. *Nuu-skia* “нюхать”» [Андреев, 1986, с. 8–9].

По верованию чувашей, люди не могут видеть входящих к ним в дом умерших родственников, но собаки и лошади их видят. Всевидающими считаются собаки-«четырёхглазки», т.е. с двумя светлыми пятнами над глазами. Таких собак прогоняют, а на улице избегают: они, как объясняют чувашаи, чуют злых духов *усалов*. Вместе с тем считается, что «четырёхглазые» собаки, обладающие способностью видеть злых духов, могут их отгонять. Поскольку собаки видят покойников (это отмечено и в представлениях поляков [Виноградова, Толстая, 1999, с. 247]), в дни поминок их запрещено спускать на ночь с цепи. Широконосые, четырёхглазые, пятнистые собаки бога смерти Ямы в «Ригведе» «разыскивают людей, которым предопределено умереть, и доставляют их Яме. Для выполнения ритуалов зороастрийцы, по возможности, используют белых собак (зороастрийский цвет) с темными пятнами над глазами. “Четырёхглазость” подразумевает способность собак видеть саму смерть, с чем связан ритуал *сагдид* (новоперс. “взгляд собаки”, “осматривание собакой”))» [Авеста..., 1997, с. 100].

В образе собаки могут являться духи и болезни, в т.ч. «мор» и холера. Такая собака-«оборотень» может приютиться в чьем-либо хлеве или пристать к человеку в поле. Обыкновенные собаки отличают таких собак и непрестанно лают на них. Вообще вой собаки, как говорят чувашаи, – к смерти человека. Услышав утром о смерти кого-либо, говорят: «Я так и думал, потому что ночью все время собаки лаяли, мне плохо пришлось спать. Собаки, значит, лаяли, кидались на толпу покойников, пришедших к умершему человеку» [Никольский, 1915–1917, л. 418]. Считается, что умерший может приходить домой и беспокоить живых собачьим лаем. В целом значение воя собаки трактуется двояко: «Если в это время она смотрит на землю, значит, на деревню надвигается какая-нибудь беда, или кого-нибудь из парней заберут в армию, или кто-нибудь умрет. А если собака воеет и при этом смотрит на небо, таким образом она жалуется Туря из-за того, что плохо кормят» [Mészáros, 1909, p. 91; Месарош, 2000, с. 82]. С собаками связан целый ряд благоприятных и неблагоприятных примет. Так, в Старый новый год *сурхури* проводят обряд «прислушивание земли»: если, приложив к земле ухо, слышат лай собаки, то это к хорошей жизни в замужестве. В остальных случаях лай собаки воспринимается как недоброе предзнаменование. Согласно приметам русских, ночной собачий лай – к покойнику [Даль, 1981, с. 322].

Собака, встретившаяся в начале пути или перебежавшая дорогу перед путником, ассоциируется с

неудачей. Нужно вернуться назад и отложить дело на завтра. В *сурхури* девушки и парни вечером оставляют свои следы на чистом снегу. Считается, что если рядом появится след или кал собаки, то хозяина фигуры ждет недоброе (его возьмут в солдаты, он умрет и т.д.). Приснившаяся собака является знаком, побуждающим принести жертву умершему предку. В виде собаки во сне приходят божества типа *Киремет*. Вообще приснившаяся собака – нехорошее предзнаменование. По представлениям чувашей, когда умершего опускают в могилу, его нагайкой ударяет черная собака; именно этот удар и отправляет человека в иной мир. Связь собаки с преисподней прослеживается в традиционных представлениях многих народов.

В легендах чувашей собака является воплощением всего плохого. Существует легенда, что городу Ядрину предписана недобрая судьба, а Чебоксарам – хорошая, ибо Ядрин основан на голове собаки, а Чебоксары – на большом хлебе. По этой же причине чувашаи перестали бросать кости – остатки ритуальной пищи – собакам. Еще в середине XIX в. В.А. Сбоев об этом писал: «Надобно полагать, что нарицательное имя собаки (*ида*, по-татарски *эм*) сделалось у чуваш бранным словом в позднейшее время, из подражания татарам; вероятно, что в древния времена это животное считалось если не священным, то по крайней мере и презренным» [1865, с. 137]. Возможно, лишь в позднее время произошла инверсия персонажей чувашской мифологии и некоторые из них приобрели облик собаки, например, *Вупкән*. В религиозном соперничестве с зороастризмом приверженцы новой религии – ислама – стали мучить собак в целях досадить первым. «Вероятно, дурное отношение к собаке (подобно снятию пояса-кусти или плевку в огонь) являлось внешним признаком обращения в новую веру» [Бойс, 1987, с. 192].

Выводы

Собака является одним из важнейших знаковых персонажей в традиционных представлениях чувашей. Считается, что она имеет непосредственную связь с верховным божеством *Туря*. На семантическом уровне у собаки много общего с волком и человеком. Она может быть использована в качестве жертвенного дара, служит заменителем духов предков и входит в связь с иным миром. Возможно, этимология слова *йымтă* «собака» восходит к санскритскому *idā*.

Список литературы

Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., примеч. и справ. разд. И.В. Рак. – СПб.: Рус. христиан. гуманист. ин-т, 1997. – 477 с.

- Андреев Н.А.** К вопросу о создании исторической лексикологии // *Чувашский язык, литература и фольклор.* – Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики, 1974. – Вып. 3. – С. 3–20.
- Андреев Н.Д.** Раннеиндоевропейский праязык. – Л.: Наука, 1986. – 328 с.
- Аптиев Г.А.** Из религиозных обычаев вотяков Уфимской губернии Бирского уезда // *Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии.* – Казань, 1891. – Т. IX, вып. 3. – С. 1–2.
- Арутюнов С.А., Щebenъков В.С.** Древнейший народ Японии: Судьбы племен айнов. – М.: Наука, 1992. – 209 с.
- Ашмарин Н.И.** *Словарь чувашского языка.* – Казань: Наркомпрос ЧАССР, 1928. – Вып. I. – 335 с.; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1936. – Вып. XI. – 343 с.
- Берёзкин Ю.Е.** Черный пес у слезной реки: Некоторые представления о пути в мир мертвых у индейцев Америки и их евразийские корни // *Антрополог. форум.* – 2005. – № 2. – С. 174–211.
- Бойс М.** Зороастрийцы: Верования и обычаи / пер. и примеч. И.М. Стеблина-Каменского. – М.: Наука, 1987. – 303 с., ил.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М.** *Задушки // Славянские древности: Этнолингвистический словарь.* – М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 246–247.
- Вишневский, протоиерей.** О религии некрещеных черемис Казанской губернии // *Вестн. Имп. Рус. геогр. об-ва.* – 1856. – Ч. XVII. – С. 281–290.
- Головнёв А.В.** *Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров.* – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 607 с.
- Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М.** *Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк.* – М.: Наука, 1976. – 671 с.
- Даль В.** *Толковый словарь живого великорусского языка.* – М.: Рус. яз., 1981. – Т. I. – 700 с.
- Еремеев Д.Е.** «Тюрк» – этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) // *СЭ.* – 1990. – № 3. – С. 129–135.
- Земляничник Т.А.** *Чуваши Самарского края и их историческое прошлое. 1924–1925 гг.* // Архив ЧГИГН.
- Иванов В.П.** *Полевые материалы, собранные в ходе комплексной экспедиции в Ульяновскую, Куйбышевскую области и Татарскую АССР. 1984 г.* // Архив ЧГИГН.
- Калиев Ю.А.** *Мифологическое сознание мари: Феноменология традиционного мировосприятия.* – Йошкар-Ола: Марий. гос. ун-т, 2003. – 216 с.
- Кочергина В.А.** *Санскритско-русский словарь.* – М.: Рус. яз., 1978. – 896 с.
- Кузнецов С.К.** *Кульг умерших и загробные верования луговых черемис.* – М.: А.А. Левенсон, 1907. – 77 с.
- Литвинский Б.А.** *Погребальный обряд и ритуалы Бактрии – Тохаристана // Литвинский Б.А., Седов А.В. Кульгты и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд.* – М.: Наука, 1984. – С. 150–169.
- Магнитский В.К.** *Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казан. губ.* – Казань: [Тип. Имп. ун-та], 1881. – V, 266 с.
- Магницкий В.К.** [Рукописи] // ЦГА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. 1.
- Максимов С.** *Нечистая, неведомая и крестная сила.* – М.: Книга, 1989. – 176 с.
- Масленицкий Т.** *Топографическое описание губернии Симбирской. 1785 г.* // РГВИА. Ф. ВУА. Д. № 19026.
- Мейтарчиян М.Б.** *Погребальный обряд зороастрийцев.* – М.: ИВ РАН, 1999. – 242 с., ил.
- Месарош Д.** *Памятники старой чувашской веры.* – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 360 с.
- Никанор, архиепископ.** *Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш.* – Казань: Казан. епархия, 1910. – 38 с.
- Николаев Г.А.** *Материалы комплексной экспедиции, собранные в Ульяновской и Куйбышевской областях. 1984 г.* // Архив ЧГИГН.
- Никольский Н.В.** *История, этнография, сельское хозяйство, литература, фольклор. 1915–1917 гг.* // Архив ЧГИГН.
- Никольский Н.В.** *Народная медицина у чуваш.* – Чебоксары: Наркомздрав, 1929. – 61 с.
- Родионов В.Г.** *Материалы комплексной экспедиции в ТАССР, Ульяновскую и Куйбышевскую области. 1984 г.* // Архив ЧГИГН.
- Рекеев А.** *Разные чувашские моления.* – Казань: [б.и.], 1898. – 11 с.
- Сбоев В.А.** *Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях: Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр.* – М.: [Тип. С. Орлова], 1865. – 188 с.
- Спасский Н.** *Очерки по родноведению: Казан. губ.* – Казань: Имп. ун-т, 1912. – II, 376 с.: карта.
- Сургуладзе И.К.** *Гмерти // Мифы народов мира: Энциклопедия.* – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. I. – С. 307.
- Хагу П.С.** *Аграрная обрядность и верования сету: автореф. дис. ... канд. ист. наук.* – Л., 1983. – 20 с.
- Харатян З.В.** *Традиционные демонологические представления армян (по материалам семейного быта XIX – начала XX в.) // СЭ.* – 1980. – № 2. – С. 103–116.
- Шавлы Стихван.** *Фольклор, этнография. 1935–1948 гг.* // Архив ЧГИГН.
- Элле К.В.** *Этнографические материалы. 1916 г.* // Архив ЧГИГН.
- Элле К.В.** *Древности Чувашской АССР. Т. III. 1934 г.* // Архив ЧГИГН.
- Этнография,** фольклор. 1880–1939 гг. // Архив ЧГИГН.
- Avesta.** *Vīdaēva dāta.* Fr. 8 / пер., вступ. ст. и коммент. В.Ю. Крюковой // *ВДИ.* – 1994. – № 1. – С. 238–249.
- Georgi J.G.** *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774.* – SPb.: Acad. der Wissenschaften, 1775. – Bd. II. – 920 S.
- Mészáros G.** *Csuvas népköltéisi gyűjtemény. I köt.: A csuvas ősvallás emlékei.* – Budapest: Kiada a Magyar tud. akad., 1909. – 471 l.
- Starostin S., Dybo A., Mudrak O.** *Etymological dictionary of the Altaic languages.* – Leiden; Boston: Brill, 2003. – 2096 p.
- Vambery H.** *Das Turkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen.* – Leipzig: Brockhaus, 1885. – XII, 638 S.: il.